УДК 009

Жданова Галина Владимировна,

кандидат философских наук, доцент, научный сотрудник МГУ имени М.В. Ломоносова.
super.scientist2012@yandex.ru

Jdanova Galina Vladimirovna,

Candidate for Doctorate in Philosophy, Associate Prof., Research Worker, Moscow State University after M.V. LOMONOSSOV..
super.scientist2012@yandex.ru

ФИЛОСОФИЯ «ВЫСШЕГО СИНТЕЗА» А.Ф. ЛОСЕВА. (К 120-летию А.Ф. ЛОСЕВА)

PHILOSOPHY OF "HIGHER SYTHESIS" BY A.F. LOSEV (Celebrating the 120th anniversary of LOSEV A.F.)

Статья посвящена философии выдающегося русского мыслителя А.Ф. Лосева. Автор рассматривает идеи всеединства и диалектики, представленные в учении мыслителя. В статье анализируются основные аспекты философии имени, числа и мифа. Особое внимание в статье уделяется рассмотрению философии культуры Лосева.

Ключевые слова: **всеединство, диалектика, имя, число, миф, культура.**

The paper deals with philosophy of the prominent Russian thinker A.F. Losev. The author considered the concepts of all-encompassing unity and dialectics presented in the doctrine of the thinker. The paper explored some basic aspects of his Philosophy of Name, of Dialectics of Number and of Myth. The paper made an emphasis on considering philosophy of Culture by A. Losev.

Key words: **all-encompassing unity, dialectics, Name, Number, Myth, Culture.**

А.Ф. Лосева (1893–1988) принято называть ученым энциклопедического типа. Он воплощает в своих трудах философию и филологию, эстетику и мифологию, богословие и теорию символических форм, философию художественных стилей, музыки, математики, астрономии и др. Однако энциклопедизм Лосева не является результатом только эрудиции и механического соединения отдельных научных сфер. Он коренится в понятии «всеединства», выдвинутом еще В.С. Соловьевым, которого Лосев считал своим первым учителем.

Примечательно сочинение юного Лосева «Высший синтез как счастье и ведение» 1911 г., в котором он выдвинул основной философский и мировоззренческий принцип – единения науки, религии, философии, искусства и нравственности. С позиций высшего синтеза, некоего целостного знания, считал он, только и возможно рассматривать любое явление жизни.

Мир для философа не только космос, то есть совершенное прекрасное тело, он еще и универсум – единораздельная целостность. Все части этого универсума несут на себе печать целостности. Сущность ее можно изучать во всех внешних проявлениях ее частей, в формах математических, словесных, временных, музыкальных, символических, мифологических и др. Отсюда и широта исследовательского диапазона Лосева. Энциклопедизм Лосева и есть универсальное познание космоса в единстве материи и духа, во всех его выразительных смыслах и формах.

Всеединство проявилось у Лосева в отрицании противопоставления идеализма и материализма. Главная мысль Лосева – единство идеи и материи, духа и материи, бытия и сознания. Между бытием и сознанием существует, по его мнению, не причинно-силовая связь, а диалектическая. Для Лосева идея и материя, сущность и явление не существуют реально, а значит, «не только бытие определяет сознание, но сознание определяет бытие» [2, с. 341]. Идея одухотворяет материю, материя создает плоть идеи, то есть овеществляет дух.

Лосев – принципиальный диалектик. «… Диалектика – ритм самой действительности» [3, с. 617]. Это «абсолютная ясность, строгость и стройность мысли», «глаза, которыми философия может видеть жизнь» [3, с. 625].

Лосеву чужда любая хаотичность мысли и ее деформация. Он строгий логик, познающий посредством диалектики структуру предмета, его внутреннюю сущность через внешние проявления. Он особенно почитал светоносный Ум, столь ценимый и платониками, и Аристотелем, и христианскими отцами церкви. Лосев именовал себя «апологетом Ума» не только в науке, но и в религии, то есть знание и вера были для него едины. Он считал, что верить можно, если знаешь, во что нужно верить, знать можно, когда веруешь, что объект знания действительно существует. Метод его работы основан на диалектике, применяемой к явлениям культуры с опорой на точную науку, всесторонне изучающий предмет и даже с элементами художественного подхода.

Имя, число, миф – основа многих книг Лосева. Лосев как религиозный философ раскрывается наиболее полно в своей философии имени, в которой он опирается на учение о сущно-

сти Божества и энергиях, носителях его сущности. Любое имя понимается Лосевым не формально, как набор звуков, но онтологически, то есть бытийственно. Идеи книги «Философия имени» перекликаются с его поздними работами по языку 1950–1980-х гг. («Общая теория языковых моделей», «Языковая структура»). Лосев обосновал слово и имя как орудие живого социального общения, вскрыл живую стихию слова, далекую от чистого психологизма и физиологизма. Слово, с точки зрения Лосева, всегда выражает сущность вещи, неотделимую от этой последней. Назвать вещь, дать ей имя, выделить ее из потока смутных явлений, преодолеть хаотическую текучесть жизни – значит сделать мир осмысленным. Поэтому весь мир, Вселенная есть не что иное, как имена и слова разных степеней напряженности. Поэтому имя есть жизнь. Слово – орудие общения, выполняющее коммуникативную функцию. Без слова и имени человек антисоциален, необщителен, не соборен, не индивидуален. «Именем и словами создан и держится мир. Именем и словами живут народы, сдвигаются с места миллионы людей, подвигаются к жертве и к победе глухие народные массы. Имя победило мир» [3, с. 746].

Тесно связана с учением Лосева об имени его философия мифа. Он понимает миф не как фантазию и выдумку, не как перенос метафорической поэзии, аллегорию или условность сказочного вымысла, а как «жизненно ощущаемую и творимую вещественную реальность и телесность» [1, с. 14]. Миф – это «энергийное самоутверждение личности», «образ личности», «лик личности», это есть «в словах данная личностная история» [1, с. 99, 151]. В мире, где царствует миф, живая личность и живое слово как выраженное сознание личности, все полно чудес, воспринимаемых как реальный факт, следовательно, миф есть не что иное, как «развернутое магическое имя» [1, с. 196], а значит, и само имя обладает магической силой. Миф есть чудо, как чудом и мифом является весь мир.

Миф как жизненная реальность характерен, по мнению Лосева, не только для глубокой древности. В современном мире происходит фетишизация, обожествление одних идей в ущерб другим, что грозит догматизмом и отсутствием непредвзятого, свободного взгляда на любые мировоззренческие категории. Происходит, например, обожествление понятий материи, духа и т.п. Поскольку идея, воплощенная в слове, может двигать массами, то фетишизация идеи, или ее мифологизация, заставляет целое общество, считает Лосев, жить по законам мифотворчества, мифологизация бытия ведет к извращению нормального восприятия личного и общественного сознания, экономики, науки, философии, искусства, всех сфер жизни.

Миф как живая чудесная реальность, непосредственно воспринимаемая древними, изучался Лосевым на огромном материале текстов о социально-историческом развитии родовой общины и художественных произведений греческой классики. В истории античной эстетики, по мнению Лосева, раскрывается история античной философии и мифологии. Для античного человека, выросшего на интуициях телесного, самым прекрасным являлось, по представлению Лосева, вполне материальное тело космоса с вечным движением небесных светил над неподвижной Землей. Но живое космическое тело – это очеловечивание природы, то есть оно мифологично. Поскольку же мир заряжен идеями, то всякая идея должна себя проявить, то есть стать выразительной, а следовательно, эстетичной, так как, по мнению Лосева, эстетическое есть не что иное, как выразительное. Таким образом, космос не только мифологичен, но и является предметом эстетического созерцания. Философия же как наука о космосе (натурфилософия) и человеке, частице космического целого (антропология), трактует о наивысшей выразительности этих космических сил, будь то стихии досократиков, атомы Демокрита, ум Анаксагора, идеи Платона, Ум-перводвигатель Аристотеля. Таким образом, мифология, эстетика, философия в равной мере, по Лосеву, создают представление о глубокой взаимосвязи духовного и материального, о единстве материи и идеи, бытия и сознания в их историческом развитии, а значит, решают проблему понимания целостности античной культуры.

Духовное и материальное начала соединяются в прочное единство, немыслимы одно без другого, создавая единый, целостный тип культуры, который, однако, лишен статичности и функционирует в конкретной исторической среде, переживая разные периоды своего развития. Тот или иной тип культуры основан, с точки зрения Лосева, на некоем первопринципе, являющемся обобщением и осмыслением множества разрозненных культурно-исторических фактов. В свою очередь развитие отдельных пластов типа культуры происходит неравномерно, сохраняя в себе старые пережитки, остатки прошлого и включая вместе с тем совершенно новые факты бытия и сознания.

Более того, у Лосева один тип культуры не отграничен категорически от другого, наоборот, он упорно проводит принцип исторического воздействия одного типа культуры на другой, учитывая постепенную подготовку более позднего типа в периодах раннего развития. Так,

например, эллинистический субъективизм подготовлен уже у софистов эпохи классики, неоплатонизм подготовлен стоическим платонизмом. Христианское учение об абсолютной личности подготавливалось аристотелевским Умом-перводвигателем, неоплатоническим учением о Едином.

И, наконец, при обращении к определенному типу культуры Лосевым изучаются все части, составляющие одно целое, то есть этот тип исследуется всесторонне в плане философском, мифологическом, эстетическом, терминологическом, математическом, астрономическом, музыкально-геометрическом и др.

Следует отметить внимание Лосева к социальным и экономическим аспектам культуры. По мнению мыслителя, экономика – это подлинная и единственная арена социального духа, и она определяет судьбу самого духа. Если изменить производственные отношения, может измениться и самый дух культуры.

Главное же для Лосева – это то, что нет никакого бытия более реального, чем историческое. Вне истории он не мыслит ни одно явление культуры, распространяя исторический подход на все периоды развития, поскольку все прошлое, настоящее и будущее становится конкретным только в истории. Поэтому нет ничего удивительного, когда «историческое развитие» или «социально-историческое развитие» фигурирует в названиях его книг.

Строя свою философию культуры на материале античности, Лосев выделяет в ней целый ряд основополагающих, только ей присущих принципов, которые в свою очередь возводятся к определенному типу культуры, имеющей свой лик (эйдос), свою неповторимую физиономию. Для трудов Лосева характерны поиски именно этой конкретной выразительности, типология бытия. Одним из главных принципов является отсутствие в античности той огромной роли субъекта, на которой построена культура новоевропейская. Античная культура опирается на принцип объективизма, обусловленного абсолютизацией материально-чувственного космоса, то есть обожествлением живого космического тела. Следовательно, античность вырастает на пантеизме, когда боги оказываются не чем иным, как обобщением отдельных областей природы, законами ее, воплощенными в космосе, которые им управляют.

Абсолютизация космоса приводит к абсолютизации закономерностей, на которых он основан, а значит, и к понятию необходимости, или судьбы, существующей наряду со свободой только от себя зависящего космоса. Диалектика свободы и необходимости создает, по мнению Лосева, особый тип античного героизма, для которого существует не только непреложность решений судьбы, но и собственная воля, не знающая этих решений, а потому свободная в своих проявлениях.

В античной культуре космическое и человеческое взаимосвязано. И если космический абсолют есть наипрекраснейшее тело, то есть художественное произведение, то и человеческое тело столь же пластично, скульптурно, гармонично, имея перед собой наивысшим вечный, нестареющий, прекрасно организованный образец.

Но если античная культура основана на телесном космологизме, то она тем самым внеличностна, она даже не знает слова для обозначения личности. Наши привычные слова, заимствованные из латинского языка, такие как «субъект» и «индивидуум» или греческое «ипостась», в античности никак не связаны с представлением о личности. Понятие личности большею частью выражается у греков термином «сома», то есть «тело». Значит, человеческая личность – это хорошо организованное тело. Зато античная культура постоянно оперирует такими терминами, как «логос» и «идея», причем «логос» понимается как единство мышления и речи, мысли и слова. Поэтому, когда Гераклит говорил об огненном логосе или пифагорейцы о числовых логосах, стоики о семенных логосах, они имели в виду только материальную силу стихий.

Также и греческое «идея», или «эйдос», не имело значения, обычного для европейских систем идеализма, но обозначало нечто мысленно видимое, когда *видеть* и *мыслить* сливаются. Поэтому платоновские занебесные идеи – это не метафизические абстракции, а категории, чувственно, осязаемо воспринимаемые, видимые мыслью, то есть обладающие телом, пусть тончайшим эфирным, как у богов, но все-таки телом. Одним из важных открытий Лосева в науке явилось установление телесного (соматического) скульптурного характера античной культуры.

Античная культура от родовой общины, мифологии и Гомера через классику Платона и Аристотеля до упадка Греко-римского мира и неоплатоников у Лосева в «Истории античной эстетики» предстала в единстве всех ее духовных и материальных ценностей как великий путь от язычества к христианству. Изучая этот труд, можно обнаружить там ростки будущего, чуждого

античности, понимания мироуправляющей силы. Такой силой оказывается у Платона так называемое «беспредпосылочное начало», обусловленное самим собой, идея высшего Блага, или высшей любви, которая воплотилась в символе Солнца и метафизике света. Платоновский демиург оказывается благим отцом, вечносущим богом, который создает прекрасно организованный космос, как подлинный «творец», «мастер», «устроитель». В «Тиме» Платон довольно часто оперирует понятием «бога», вкладывая в него какой-то особый, не совсем ясный смысл. Здесь же аристотелевский пребывающий в вечном блаженстве Ум-перводвигатель, «идея идей», который держит космос в рабской зависимости, тем самым определяя частную и государственную жизнь человека тоже по закону рабского подчинения и оправдывая естественность и необходимость свободы и рабства.

Не случайно Платон со своими чувственными интуициями оказался популярен в эпоху Возрождения, а Аристотель со свой всеобщей зависимостью от мирового Абсолюта стал основой ортодоксальной средневековой философии. Следует отметить и стоиков с их логосом, изреченным словом, воплотившим идеальные замыслы управляющей миром судьбы.

И, наконец, неоплатоники, последние языческие философы в мире христианства, представили древних богов в виде прекрасных логических триад, восходящих к первоединому началу, не имеющему, однако, имени и представляющему собою не абсолютную личность, а только числовое обозначение.

Философия культуры, представленная Лосевым в «Истории античной эстетики», подтверждает несостоятельность механического деления творчества Лосева на ранний и поздний периоды, якобы не связанные между собой.

Лосев выработал в 1920-е гг. идеи мифа, символа, числа, имени, скульптурного эйдоса, античного соматизма, которые получили всестороннее исследование на конкретном материале тысячелетней античности в его «восьмикнижии», написанном в 1950–1980-е гг. Он обязательно учитывал при изучении античности роль социально-экономического фактора и этим только обогатил историческую основу своих трудов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Лосев А.Ф.* Диалектика мифа//Лосев А.Ф. Миф. Число. Сущность. – М., 1994.
2. *Лосев А.Ф.* История эстетических учений //Лосев А.Ф. Форма. Стиль. Выражение. – М., 1995.
3. *Лосев А.Ф.* Философия имени//Лосев А.Ф. Бытие. Имя. Космос. – М., 1993.

REFERENCES

1. Losev A. The dialectics of myth//Losev A. The myth. The number. The essence. – M., 1994.
2. Losev A. The history of esthetic sciences//Losev A. The form. The style. The expression. – M, 1995.
3. Losev A. The philosophy of name//Losev A. The existence. The name. The space. – M, 1993.